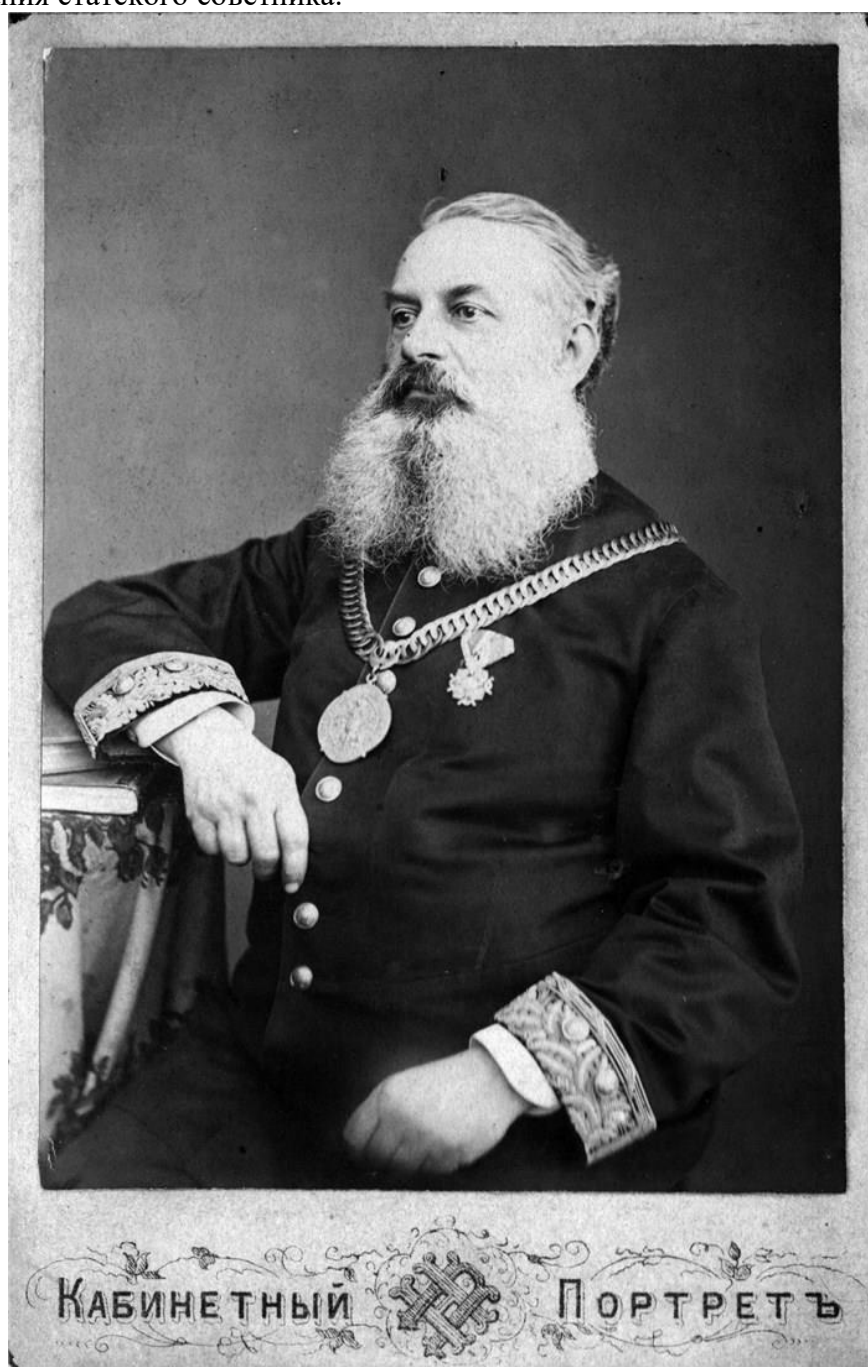

Об актрисе Элеоноре Конрадовне Заруцкой, уроженке Шадринска

Шорнинг Конрад Иванович – «провизор, имевший в Шадринске аптеку (при выезде из Шадринска и въезде на мост, справа); уроженец Прибалтики» (Бирюков, 1964, 53). В 1883–1884 гг. «значился в списках избирателей в Шадринскую городскую Думу, а позднее входил в состав Думы» (Зуева, 1998, 104). Уже после смерти Конрада Ивановича, примерно в 1902–1904 годах, в Шадринск пришло запоздалое решение о присвоении К.И. Шорнингу звания статского советника.

Шорнинг Конрад Иоганнович-архив Юрия Шорнинга

Шорнинг Конрад Иванович был любителем театрального искусства: «Корреспонденции из Шадринска рассказывают о любительских спектаклях, дававшихся в доме аптекаря

Кондратия [Конрада] Шорнинга. В этих спектаклях принимал участие сосланный в Шадринск петербургский адвокат А.А. Ольхин» (Бирюков, 1954). «На улице Набережной находился усадебный дом Шорнинга, где собирались любители литературы и театра, ставились спектакли, в нем же находилась и аптека» (Зуева, 1998, 104).

«Конрад Иванович был женат на Вильгельмине Эдуардовне Драке – дочери прежнего провизора аптеки Эдуарда Драке» (Зуева, 1998, 104).

Шорнинг Вильгельмина Эдуардовна-архив Юрия Шорнинга

У Шорнигов был сын Эдуард и дочери Юлия, Виктория и Элеонора. Юлия Конрадовна вышла замуж за ссыльного польского дворянина, приказчика спиртоводочного завода А.Ф. Поклевских-Козелл – Казимира Доминиковича Добошинского. Элеонора Конрадовна стала актрисой, под псевдонимом *Заруцкая* играла на сценах многих городов Урала и Сибири.

Она доживала свой век в конце 1930-х годов на одной из окраинных улочек Челябинска. Краевед В.П. Бирюков разыскал в Челябинске Заруцкую и в расспросах получил у неё интересовавшие его сведения о старом Шадринске. Владимир Павлович сообщил об

Элеоноре Заруцкой уральскому краеведу Юрию Курочкину. Тот много дней расспрашивал её, затем фрагменты её ответов свёл в единый рассказ, фрагменты его мы представим вниманию шадринцев.

Сидит слева Элеонора Конрадовна Шорнинг (Заруцкая)-архив Юрия Шорнинга

«Страсть к театру у меня, пожалуй, наследственная. Родители были большими театрами, участвовали в любительских спектаклях в клубе у себя дома (в Шадринске). У нас был просторный зал, хватало места и для сцены, и для публики. Ставили даже большие вещи, вроде “Мертвой петли” Писемского, “На бойком месте” Островского.

Мама родилась в Воткинском заводе, где у её отца была аптека. Они имели ложу в местном заводском театре, и мама с детских лет не пропускала ни одного спектакля. Она была очень живая, веселая, с “французской жилкой”, которую передала и нам, детям, как и свое увлечение театром. Ещё учась в 3–4 классе гимназии, мы с кузинами ставили водевиль “Бедовая бабушка”, которую я и изображала... В школьные годы я бывала в Москве и удостоилась видеть несколько раз Ермолову и Федотову... По окончании гимназии я одно время гостила в Екатеринбурге. Гимназисты старших классов попросили меня участвовать у них в спектакле “Школьный учитель”. Тогда же я в первый раз играла с настоящими любителями и в настоящем городском театре в водевиле “Служанка-госпожа” после какой-то пьесы. Дальше – замужество, устройство семьи, смерть мужа. После этого я твердо решила встать на собственные ноги, быть независимой материально ни от кого и служить любимому делу. Надеюсь, что оно даст мне всё.

Играя чуть не с детства, я была почти готовой актрисой. Поддерживал меня в моем намерении А.А. Ольхин, ссыльный народоволец, разносторонне образованный человек, прекрасный чтец. Он штудировал со мной Шекспира и других авторов. Он же помог мне и убедить моих родителей согласиться на мою театральную деятельность, к которой я так стремилась. Надо вспомнить прежний взгляд обывателей на актрису как на потерянную женщину. Мои родители смотрели на это иначе, но им было больно, что окружающие могут дурно говорить обо мне.

Согласие было дано, я оставила свою четырехлетнюю дочку в Шадринске и поступила на сцену. Первый мой сезон был в Троицке у антрепренера Бабош-Королева.

Осенью 1886 года я приехала в Екатеринбург. Здесь труппу держал известный тогда антрепренер Петр Петрович Медведев, сын знаменитого антрепренера П.М. Медведева. В то же время в город приехал Бабош-Королев для набора труппы в Троицк на правах товарищества. К нему-то я и поступила. В эту же труппу вступил молодой актер Александр Александрович Светлов, игравший в любительских кружках Екатеринбурга.

Приехали в Троицк, где при клубе имелась хорошая сцена с большим партером. Сезон открыли “Тяжкой долей” Островского.

Я поступила на амплу драматической инженю, но не всегда приходилось играть свои роли, так как труппа была невелика. Мы со Светловым выступали кроме драм и в водевилях с пением (у него был приятный баритон). В дивертисментах пели дуэтом и соло. Я когда-то училась музыке, Светлов играл на скрипке.

Тогда же ставили “Русскую свадьбу” – картинка XVIII века, почти вся состояла из старинных святочных и свадебных песен. Мы со Светловым пожинали в ней лавры.

Я стала женой Светлова. Для него, как и для меня, этот год был первым серьезным сезоном в драме.

На сцену Светлов пришёл так. Как-то в Екатеринбург приехала опереточная труппа Майской с прекрасным комиком Петром Александровичем Волховским. Светлов, как постоянный посетитель театра, близко познакомился с ним, и тот предложил ему переменить карьеру банковского служащего на театральную, заметив в нем дарование при случайных выступлениях в оперетке. Отсюда они вместе отправились в Москву, где зимой служили в оперетке, а летом гастролировали по эстрадам пригородных театров. Светлов был тогда маленьким актером на ролях простаков. Перейдя в драму, он стал неплохим актером. В Троицке он уже вел ответственные роли. При мне Светлов играл Дмитрия Самозванца, Расточителя в пьесе Стебницкого (Лескова), Незнамова в “Без вины виноватых”, Хлестакова в “Ревизоре”.

В Троицке мы играли два сезона подряд. Публика полюбила нашу артистическую пару. Но антрепренер Королев и его жена ревновали нас к публике. В свой бенефис Королев дал мне совершенно незначительную роль (“без ниточки”, как говорят актеры) – чтоб принизить мой успех. С тех пор наши отношения стали натянутыми.

Вскоре предстоял мой бенефис. Я задумалась – что ставить? Труппа пользовалась театральной библиотекой Королева, за что мы платили ему. Но я, обиженная, у него просить не стала, а написала в Екатеринбург А.А. Ольхину, который к тому времени отбыл свою ссылку в Шадринске и переехал в Екатеринбург, где сотрудничал в газетах. Ольхин был в хороших отношениях с Маминым-Сибиряком, объяснил ему мои обстоятельства, и Мамин предложил поставить его пьесу “Золотопромышленники”, которую и послал мне с очень милым письмом (мы раньше с Дмитрием Наркисовичем были немного знакомы). Я торжествую – новая, не играная вещь! С А.А. Светловым распределили роли, и он понес афишу на подпись Королеву как распорядителю. Но тот вычеркнул свою и жены фамилию из афиши, и играть они отказались. Пришлось мне от бенефиса отказаться, и в этот вечер шёл обычный спектакль с дивертисментом. После дивертисмента, в котором я участвовала, мне от публики передали подарок – футляр с ценным браслетом и деньги, а также адрес от публики – не дали меня в обиду.

Королев считался неплохим актером. В чтении его, однако, было много ложного пафоса. Жена его, Анисья Ивановна, была прекрасной бытовой актрисой, но претендовала и на салонные роли, которые ей не шли. Кончили они оба трагически. Где-то в Сибири, кажется на Алтае, в одну из поездок лошади разнесли их экипаж с горы и свалили в снег. Он сильно покалечился, а она ослепла.

Вспоминаю зиму 1894/1895 года. Екатеринбург, Офицерская улица, низ небольшого дома на берегу пруда. Лето я не служила – на руках маленький сынишка Шурик и дочь. Светлов работал в Харитоновском саду в антрепризе буфетчика Семенова, который

арендовал летний театр. Собралась маленькая, плохонькая труппа, а я не хотела там работать. Светлов зарабатывал мало, едва хватало на выпивку. Пьяницей он не был, но выпить в компании очень любил, а она всегда имелась под рукой. Опять мой гардероб и разные вещи шли к отцу-благодетелю Печенкину, владельцу ломбарда и ссудной кассы. Жилось очень тяжело. Муж – беспечный, о семье не заботился, всё лежало на мне. Он с утра уйдет к брату в магазин и там хорошо поест, а как я дома с ребятами – ему мало заботы. У нас же даже на молоко для детей не всегда хватало. Это, видимо, заметили соседи по дому – старик учитель французского языка с дочкой. Они чуть не каждый день приносили мне по кринке молока...

Как-то навестила меня тетя, владелица аптеки. Узнав о моем положении, она уговорила искать какой-то театр, денег на организацию дела она пообещала. Я обрадовалась и написала в Шадринск родителям, чтобы узнали у купчихи Ушковой, не свободен ли её маленький театрик на задах клуба приказчиков.

Ответ пришёл благоприятный, и мы со Светловым выехали туда вечером 23 декабря. Сначала до Камышлова железной дорогой, а там 112 верст на лошадях. В связи с каникулами вагоны были переполнены ехавшими домой учащимися. Стояла такая духота, что со стен буквально капало. Бедные мои детишки, которых я взяла с собой, все в поту... В Камышлове мы пересели на лошадей, в обычную кошевку, открытую всем ветрам... Короче, простудился в дороге мой ребенок. Вскоре я его похоронила. Врач дал заключение, что умер он от молниеносной скарлатины. Я целый месяц проболела, играть не могла. Поправившись, выступила в первый раз в роли Кручининой в “Без вины виноватые” Островского. Публика встретила меня овацией как старую знакомую, да ещё перенесшую столько горя...

Зимний сезон 1889/1890 года мы играли в Тюмени. Там у меня родилась дочурка. Лето провели в Тобольске, а осенью направились опять на Крестовско-Ивановскую ярмарку. Чтобы не таскать девятимесячную крошку по дорогам, мы договорились с хозяевами, у которых жили в Тобольске, оставить до осени у них ребенка, уплатили вперед деньги и поехали в Кресты.

Крестовская ярмарка проходила в 25 верстах от Шадринска, и каждый шадринец считал своим долгом хоть раз в сезон побывать в театре. Ярмарка была богатая, вторая после Ирбитской, со всех сторон на неё съезжались купцы, коммерсанты: много москвичей, сибиряки с пушниной, екатеринбуржцы с драгоценными камнями, киргизы с караванами верблюдов. Картина пёстрая. Интересная! Развлечения: театр, ресторан с арфистками при гостинице, где шли круглосуточные кутежи, неизменный Петрушка, зверинец.

Тяжко памятен мне этот сезон в Крестах. Поступая на сцену, я оставила у мамы в Шадринске дочку от первого мужа. Любила её очень и так была рада теперь встрече с ней в Крестах. Но вскоре эта радость омрачилась большим горем. Надо сказать, что в Крестах была не река, а грязная, зараженная лужа, на берегу которой и стоял наш домик. Дочурка как-то напилась из неё и... заболела детской холерой. Конечно – врачи. Лекарства, уход – всё Оля имела, но улучшения не наступало. Шли дни, я спектаклей не пропускала, но поймите, что у меня было в душе, когда я шла на сцену, зная, что моя дорогая девочка медленно угасает на руках бабушки...

К одной беде прибавилась другая. Вскоре после приезда в Кресты мы получили телеграмму из Тобольска: “Ребенок болен, вышлите сто”. Странно: ведь мы же уплатили вперед до осени. Но послали сейчас же. Проходит несколько дней – снова телеграмма: “Вышлите триста, иначе сдаем ребенка в воспитательный дом”. Можно себе представить, что я пережила, боясь за двоих детей. А играть-то ведь нужно! Всю силу воли собрала, чтобы не растеряться. Конечно, деньги выслали, взяв вперед весь свой заработок. А ведь казалось, люди такие симпатичные, при нас они были так ласковы с нашим ребенком. И вот их истинное лицо...

В последний спектакль ярмарочного сезона должна была идти “Русская свадьба”. Я играть наотрез отказалась, зная, что меня есть кем заменить, и просила освободить этот

вечер. Но антрепренер настоял, и я должна была пополнить хор... Я не помню, как кончился спектакль, и как я дошла до дома. Дочурка уже совсем ослабела, но была ещё в сознании, ждала меня и так обрадовалась мне. К утру её не стало...

После похорон я заболела нервным расстройством и сразу ехать на сезон в Тюмень не смогла, осталась у мамы. Но мучил вопрос: кого и как послать в Тобольск за ребенком? Нужны деньги, а у нас их не было. У своих стариков я никогда их не брала. Нас выручил мой сценический гардероб и благотворные подношения золотых и серебряных вещей – был “благодетель”: ссудная касса Печенкина или ломбард.

Едва оправившись, я поехала в Тюмень, но в труппу не вступила – не было сил играть. Упросила съездить за ребенком нашу кассиршу. Привезла она мне дочь – загнанного, испуганного волчонка, боявшегося людей. Сколько стоило сил, чтобы привести её в нормальное состояние! Тут уже было не до сцены, для заработка бралась переписывать роли. Иной раз над спешной работой приходилось просиживать ночи напролёт. В труппу я вошла только с января.

Вспоминаю своих товарищей по работе. Был у нас в театре выпивоха – Костя Темзинский, наш приятель, хороший комик, умный разнохарактерный актер и прекрасный человек. Он, вероятно, далеко бы пошёл, но водочка сгубила его. Кончил он, бедняга, работая где-то на шпалах. Он был местный уроженец, играл в Перми и в Екатеринбурге, к нам в Троицк приехал уже вполне опытным актером. Актрису Головинскую, из старинной екатеринбургской актерской фамилии, я знала уже старухой, она играла с нами в Шадринске в конце 1890-х годов» (Курочкин, 1989; 143, 144–145, 146).

В 1954 году В.П. Бирюков писал об Э. Заруцкой: «Умерла она сравнительно недавно в Челябинске на девятом десятке лет...» (Бирюков, 1954).

Источники

- Бирюков, 1954 – Бирюков В.П. Из истории Шадринского театра // Красный Курган. 1954, 9 апреля.
Бирюков, 1964 – Бирюков В.П. Словарик уроженцев и деятелей г. Шадринска. (Машинопись). Шадринск, 1964. – 55 с. (Государственный архив в г. Шадринске. Инвентарный номер 3720).
Зуева, 1998 – Зуева М.И. Шорнинги, Добошинские, Галюковы (к истории родословной) // Шадринская провинция. Материалы второй региональной краеведческой конференции. – Шадринск, 1998. – С. 104–106.
Курочкин, 1989 – Курочкин Юрий. В афишах значилась Заруцкой... // Урал. 1989, № 8 – С. 143–146.